

ВЕНОК СОНЕТОВ ВЯЧ. ИВАНОВА “ЛЮБОВЬ И СМЕРТЬ”
В ПЕРЕВОДЕ ВОЛЬФГАНГА ГРЕГЕРА

Федор Поляков

Переводчик и поэт Вольфганг Грегер (Wolfgang Eduard Groeger, 1882–1950) родился в Риге и провел свои юношеские годы в Москве; в 1920 г., покинув Россию, он обосновался в Берлине. Последующее десятилетие было отмечено расцветом его творческой деятельности.¹ Репутации Грегера благоприятствовал и отзыв о нем Томаса Манна. МANN упоминает имя Грегера в предисловии к февральскому выпуску престижного литературно-общественного издания “Süddeutsche Monatshefte” (“Южнонемецкие ежемесячные тетради”) 1921 г., посвященного “шедеврам русского повествовательного искусства” (“Meisterwerke der russischen Erzählkunst”).²

¹ Основные вехи биографии Грегера были выяснены в работе Ксении Вернер: Xenia Werner, *Der Übersetzer W. E. Groeger (1882–1950). Ein Beitrag zur Rezeptionsgeschichte russischer Literatur in Deutschland*. Wiener Slawistisches Jahrbuch XXX, 1984, SS. 155–166; здесь же содержится перечень переводов Грегера. Кроме того, трудами К. Вернер была издана весьма существенная переписка Грегера с Освальдом Шпенглером: *Der Briefwechsel zwischen Oswald Spengler und Wolfgang E. Groeger über russische Literatur, Zeitgeschichte und soziale Fragen*. Herausgegeben von Xenia Werner, Hamburg 1987. См. о нем также: В. В. Дудкин, Блок в Германии // Александр Блок: Новые материалы и исследования. Москва 1993, с. 244–308, особ. с. 247 (Литературное наследство. Т. 92, кн. 5); Е. И. Нечепорук, Поэма “Двенадцать” в переводах на немецкий язык. *Ibid.*, с. 309–329, *passim*; Gerd Koenen, *Bilder mythischer Meister. Zur Aufnahme der russischen Literatur in Deutschland nach Weltkrieg und Revolution*. In: Gerd Koenen und Lew Kopelew (Hg.), *Deutschland und die Russische Revolution 1917–1924*. München 1998, SS. 763–789, 776 (West-Östliche Spiegelungen, Reihe A, Bd. 5).

² Thomas Mann, *Zum Geleit*. In: *Süddeutsche Monatshefte*. Unter Mitwirkung von Josef Hofmiller, Karl Alexander von Müller, Hans Pfitzner, Hans Thoma herausgegeben von Paul Nikolaus Hoffmann. 18. Jahrgang, Erster Band: Oktober 1920 bis März 1921. München–Leipzig–Berlin 1921, SS. 289–368, особ. S. 289–296. Подбор-

Участие Грегера в сборнике сводилось к переводу песни Импровизатора "Чертог сиял. Гремели хоры..." из "Египетских ночей" А. С. Пушкина. В связи с этим фрагментом Манн писал: "Die Übersetzung des Gedichtes von Wolfgang E. Groeger soll, wie mir versichert wird, ausserordentlich wortgetreu sein und ist dabei so wohlklingend, wie man es bei Versübersetzungen selten findet. Wo ist Groeger? Kraft meines Ehrenamtes belobige ich ihn" ("Перевод стихотворения, сделанный Вольфгангом Греггером, является, как меня заверяют, исключительно дословным, и притом он благозвучен настолько, как это лишь редко бывает при переводе стихов. Где находится Греггер? Облеченный полномочием своей почетной должности, выражаю ему похвалу").³ По отношению к только что вступившему на немецкую литературную сцену Греггеру эта фраза выделяется своим эмоциональным тоном. Переводчик прозаического текста Пушкина, в который входит песнь Импровизатора, в этом издании не назван, но может быть отождествлен по более поздней публикации – в данном случае речь идет об Александре Элиасберге (1878-1924).⁴ Элиасберг был инициатором издания февральского выпуска "Южнонемецкие ежемесячные тетради" и другом Томаса Манна; таким образом, именно на его положительной оценке переводов Греггера основывается реплика Манна, и именно Элиасберг оказывал поддержку Греггеру на первом этапе вхождения его в издательско-литературные круги Германии. Насколько Элиасберг был высокого мнения о качестве стихотворных переложений Греггера, выясняется и по факту включения их Элиасбергом в свою "Историю русской литературы".⁵

Обращает на себя внимание и обширный, лишь отчасти приведенный в известность круг русских литературных знакомств Греггера. Кроме названных в работе Ксении Вернер авторов (в частности, Александр Блок,

---

ка текстов представлена следующими именами: Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Тургенев, Достоевский, Лесков, Лев Толстой, Чехов, Горький, Сологуб, Брюсов, Кузмин, Алексей Толстой.

³ Thomas Mann, *Zum Geleit ...*, S. 294.

⁴ Опубликованная в *Süddeutsche Monatshefte* версия перевода "Египетских ночей" вошла в состав издания: *Puschkins Werke*. Herausgegeben von Arthur Luther. Bd. 1, Leipzig s.a.[1923?], SS. 325-338 (этой справкой мы обязаны Dr. Carmen Sippl, München).

⁵ Alexander Eliasberg, *Russische Literaturgeschichte in Einzelporträts. Mit einem Geleitwort von D. Mereshkowskij und sechzehn Bildnissen*. München 1922, SS. 15, 21 (Пушкин), SS. 36, 37 (Лермонтов), S. 109 (Тютчев), S. 148 (Брюсов), S. 150 (Иванов; см. ниже), SS. 181-182 (Блок), S. 187 (Гиппиус).

Андрей Белый, Владислав Ходасевич, Михаил Булгаков, А. Н. Толстой), можно отметить его контакты с Е. И. Замятиным и К. И. Чуковским, а также эпизодические свидетельства о берлинских встречах – с Борисом Зайцевым (январь 1923 г.) и Владимиром Набоковым.⁶ Н. А. Бердяев в письме к Л. И. Шестову (осень 1923 г.) называл Грегера "очень хорошим переводчиком".⁷ В декабре того же года Грегера находил среди русских и немецких литераторов, участвовавших в праздновании пятидесятилетия Валерия Брюсова.⁸

Особое место в работе Грегера этих лет занимает творчество Вячеслава Иванова. Так, по сведениям К. Вернер, известны переводы 150 стихотворений Иванова 1920-х годов, сделанные Грегерам и остающиеся неопубликованными. Грегера познакомился с Ивановым в Москве, в Серебряном Бору, осенью 1919 г.⁹ Вскоре после переезда в Берлин, в начале 1922 г. Грегера выпустил в основанном группой левых эсеров издательстве "Скифы" (Skythen Verlag) перевод брошюры Иванова "Кручи (Кризис гуманизма)" (1919 г.).¹⁰ Грегера поддерживал отношения с руководителем

---

⁶ В. В. Дудкин, Блок в Германии // Александр Блок..., с. 252 (Замятин); "Ах, у каждого человека должна быть своя Ломоносова..." Избранные письма К. И. Чуковского к Р. Н. Ломоносовой 1923-1926 гг. Публикация Ричарда Дэвиса. Предисловие Елены Чуковской и Ричарда Дэвиса // In memoriam. Исторический сборник памяти А. И. Добкина. СПб.-Paris 2000, с. 301-344, особ. с. 312-313; Письма Б. К. Зайцева к И. А. и В. Н. Буниным. Публикация М. Э. Грин. Новый журнал 139, 1980, с. 157; "Вы – друг старый и верный...". Письма И. А. Бунина к А. В. Тырковой-Вильямс. Публикация Р. Янгирова. Минувшее. Исторический альманах 15. Москва-СПб. 1994, с. 162-192, особ. с. 183-184 ("...как мне пишет Б. Зайцев со слов немецкого переводчика и поэта Грегера [sic]"); Владимир Набоков, Несколько слов об убожестве советской беллетристики и попытка установить причины оного. Публикация А. Долинина. Диаспора. Новые материалы. Т. II. СПб. 2001, с. 16.

⁷ Наталья Баранова-Шестова, Жизнь Льва Шестова. По переписке и воспоминаниям современников. Т. I. Paris 1983, p. 285; ср. также: Stefan G. Reichelt, Nikolaj A. Berdjaev in Deutschland 1920-1950. Eine rezeptionshistorische Studie. Leipzig 1999, SS. 69-70.

⁸ Karl Schlögel, Katharina Kucher, Bernhard Suchy, Gregor Thum, Chronik russischen Lebens in Deutschland 1918-1941. Berlin 1999, S. 207 Nr. 3195.

⁹ Лидия Иванова, Воспоминания. Книга об отце. Подготовка текста и комментарии Дж. Мальмстада. Москва 1992, с. 84.

¹⁰ III, 366-382; Wjatscheslaw Iwanow, Klüfte. Über die Krisis des Humanismus. Zur Morphologie der zeitgenössischen Kultur und der Psychologie der Gegenwart. Aus dem Russischen übertragen von Wolfgang E. Groeger. Berlin [1922]; Wjatscheslaw Iwa-

этого издательства Евгением Лундбергом; книга Лундберга о Мережковском (1914 г.) вышла в его переводе в том же году.¹¹

По совету Лундберга (см. ниже) Грегер решает обратиться к переводу одного из сложнейших циклов в поэтическом наследии Иванова – венка сонетов "Любовь и Смерть".¹² После выхода в свет первого перевода Иванова и одновременно в связи с завершением работы над переводом венка сонетов Грегер обращается к нему с письмом, представляющим определенный историко-литературный интерес. Ниже приводится его текст по подлиннику, хранящемуся в Римском Архиве Иванова (РАИ); благодарим Дмитрия Вячеславовича Иванова, проф. Андрея Шишкина и проф. Guido N. Groeger за предоставленную нам возможность этой публикации.

Wolfgang E. Groeger
Berlin-Steglitz, Sedanstr. 11

24. 3. 1922

Verehrter Meister!

Entschuldigen Sie, dass ich mich in deutscher Sprache an Sie wende: Mein Schreiben wird durch einen deutschen Kurier befördert, der nur deutschgeschriebene Briefe annimmt.

In der Anlage finden Sie meine Übertragung Ihres Sonettenkranzes "Liebe und Tod". Die Arbeit ist auf Anregung von Ewgenie Germanowitsch Lundberg entstanden, der Sie im Skythen-Verlage herausbringen wollte. Leider aber haben die Skythen beschlossen, eben keine weiteren deutschen Veröffentlichungen herauszugeben, und [so] wird das Werk wohl in einem Wiener Verlage erscheinen. L. I. Schestoff hat seine freundliche Einwilligung gegeben, ein Vorwort dazu zu schreiben, welches das deutsche Publikum ein wenig mit Ihnen bekannt machen soll. W. N. Masjutin soll es eventuell schwarz-weiss illustrieren. So hoffe ich, dass ein Buch zustande kommen wird, das Sie in nicht ganz unwürdigem Gewande hier einführt. Wenn Sie mit meiner Übersetzung

---

now, Klüfte. Über die Krisis des Humanismus. In: Fritz Mierau (Hg.), *Russen in Berlin 1918–1933. Eine kulturelle Begegnung*. Weinheim–Berlin 1988, SS.133-142.

¹¹ См. подробнее: Ф. Б. Поляков, Алексей Ремизов и Евгений Лундберг: прощание с "русским Берлином". *Wiener Slawistischer Almanach* 42, 1998, SS. 123-127; Евгений Лундберг, *Записки писателя 1920-1924*. Т. II, Л. 1930, с. 66.

¹² II, 410-419; ср. А. Б. Шишкин, 1. *Русский венок сонетов: истоки, форма и смысл*. *Russica Romana* II, 1995, с. 185-207; 2. Вяч. Иванов и сонет Серебряного века. *Europa Orientalis* 18, 1999, pp. 221-270; см. также: К. С. Герасимов, *Венок и венец. "Венок сонетов" Вяч. Иванова и "Corona astralis" Максимилиана Волошина*. *Studia Slavica Hung.* 41, 1996, с. 67-76.

einigermassen zufrieden sind, würde ich es von grösstem Wert für das Buch und für eine grosse Ehrung mir gegenüber betrachten, falls Sie dem Werke einige Worte von sich aus vorausschicken wollten. Das würde dem Buche erst die rechte Weihe und ein individuelles Gepräge geben, mir aber wäre es ausserdem ein Beweis, dass Sie mich nicht in gar zu schlimmer Erinnerung behalten haben.

Meine Übersetzung wird hier sehr gelobt, doch möchte ich vor allem Ihre eigne Meinung darüber wissen und Ihre Erlaubnis zu der Veröffentlichung einholen. Von mir aus möchte ich sagen, dass ich, trotz vieler Bedenken, davon Abstand genommen habe, die Sonette in der klassischen Reimfolge des Originals wiederzugeben, wenn dieses auch ganz gegen meine Prinzipien als Übersetzer ist. Doch ist Ihr Sonettenkranz so ungeheuer reich an Bildern und Gedanken, dass es mir als das kleinere Übel erschien ein wenig von der Form abzuweichen, als etwas von dem Inhalt fortzulassen. Auch so ist hier und da ein Weniges fortgefallen, doch – scheint mir – nicht viel, und andererseits habe ich auch nur Weniges sagen müssen, was nicht bei Ihnen steht. Vielleicht erklärt sich dadurch, dass der Sonettenkranz tiefen Eindruck macht und die grösste Anerkennung als Kunstwerk findet. Das 10. Sonett "Wir stehn am Fuss des Marmorsarkophages" ist in der "Geschichte der russischen Literatur" von Alexander Eliasberg aufgenommen. Irgend welche Beanstandungen und Verbesserungen würde ich mit grossem Dank entgegennehmen.

Dann wollte ich Sie noch fragen, ob Sie mein Widmungssonett sowohl der Form als dem Inhalt nach passend finden. Falls nicht, bitte ich es ganz aufrichtig sagen zu wollen, da mir vor allem daran liegt, nichts hineinzubringen, was Sie vielleicht als Misston empfinden könnten.

Ich füge einen Zeitungsausschnitt mit einer Besprechung über meine Übertragungen bei, aus dem Sie ersehen werden, dass man mich hier für keinen ganz ungeschickten Übersetzer hält. Auch sende ich Ihnen das kleine Skythenbüchlein Ihrer "Klüfte". Ausserdem ist noch Ihre Rede "Dostojewsky und die Romantragödie" im Verlage der Wiener Graphischen Werkstätte/Leipzig-Wien, in einer sehr guten Übersetzung von Dmitrij Alexandrowitsch Umanskij erschienen.

Seit Jahr und Tag bin ich bemüht, hier Werke von Ihnen aufzutreiben, da ich Sie vor allen anderen hier bekannt machen möchte. Doch habe ich bis jetzt weder "Межи и Вехи", die ich in Aussicht genommen habe, noch "Cor ardens", noch irgend etwas anderes erlangen können. Wenn Sie mir Ihre Werke oder wenigstens einige davon übersenden könnten, würden Sie mich zu grossem Dank verpflichten. Meine Schwester, Meta Groeger, "Deutsche Vertretung in Russland" – Leontjewskij per., würde die Übersendung hierher gerne besorgen (wie auch Briefe). Sollten Sie selbst irgend welche Wünsche oder Vorschläge in betreff Ihrer Werke, die Sie am liebsten übersetzt sehen wollten, haben, so wäre ich Ihnen für nähere Angaben sehr dankbar. Auch meine ich, dass es evtl. mögliche wäre, wenigstens in betreff Ihrer Prosaschriften ein Honorar für Sie zu bedingen.

Der Kunstwart

Begründet
von
Ferdinand Avenarius

*Für Wenzeslaus
Szamow in chr-
stlichem Bank*

Bernt Heiseler

43-JAHR
HEFT NR. 7
APRIL
1930

KUNSTWART-VERLAG
GEORG D.W. CALLWEY MÜNCHEN

Обложка журнала "Der Kunstwart"

Entschuldigen Sie, verehrter Meister, dass ich mich heute nur auf das "Geschäftliche" beschränke: Die Sache mit der Herausgabe des Sonettenkranzes ist plötzlich akut geworden und schreibe ich so in aller Eile.

Bitte, übergeben Sie Lidii Vačeslavownje und Djimotschkje meine herzlichsten Grüsse und empfangen Sie selbst den Ausdruck meiner aufrichtigen Hochachtung und Verehrung.

Ihr sehr ergebener
Wolfgang E. Groeger

P.S. Bitte, wollen Sie A.G. Gretschaninow und seiner werten Familie meine besten Empfehlungen übergeben.

Sehr verehrter Herr Ivanow.

Meine Adresse ist: Леонтьевский пер., № 10, Германское Представительство (Zimmer Nr. 1), Fr. Meta Gröger, und wäre ich gern bereit Ihre Antwort meinem Bruder zu übermitteln. Der Kurier fährt Dienstags von Moskau ab u(nd) müsste ich die Briefe Montags haben, am besten zwischen 10–1 Uhr.

Mit vorzüglicher Hochachtung
Meta Gröger

[перевод:]
Вольфганг Грегер
Берлин-Штеглиц, Седанштрассе 11

24. 3. 1922

Высокочтимый учитель!

Простите, что обращаюсь к Вам по-немецки: мое письмо будет доставлено немецким курьером, принимающим только письма, написанные по-немецки.

В приложении Вы найдете мой перевод Вашего венка сонетов "Любовь и Смерть". Работа была предпринята по побуждению Евгения Германовича Лундберга, который предполагал опубликовать Вас в издательстве "Скифы". К сожалению, "Скифы" решили больше ничего по-немецки не печатать, так что она, вероятно, появится в одном венском издательстве.¹³ Л. И. Шестов дал дружеское согласие написать к ней предисловие, чтобы немного познакомить с Вами немецкую публику. Возможно, В. Н. Масютин

---

¹³ В начале 1920-х годов получило некоторое распространение русское книгоиздательство в Вене; см. подробнее: F. B. Poljakov, Der russische Buchdruck in Wien in den 1920er Jahren. Spiegelungen einer Exilkultur im multinationalen Raum. In: Otto Kronsteiner (Hg.), Die euroslawischen Kulturbeziehungen (17. Salzburger Slawistengespräch, 1998). Salzburg 1999, SS. 33-62 (Die Slawischen Sprachen, 60).

возьмется сделать к ней черно-белые иллюстрации.¹⁴ Таким образом, я надеюсь, получится книга, которая позволит представить Вас здесь в облике, который будет в полной мере достоин Вас. Если Вы останетесь хоть немного довольны моим переводом, то я почел бы за великую честь и для книги и по отношению ко мне, если бы Вы смогли предпослать изданию несколько слов и от себя. Это придало бы книге должествующее восприимство и печать индивидуальности, мне же самому явилось бы доказательством того, что Вы не поминаете меня лихом.

Перевод мой здесь весьма хвалят, однако я хотел бы прежде всего узнать Ваше собственное мнение о нем и получить Ваше разрешение на его публикацию. Со своей стороны я хотел бы сказать, что я, невзирая на множество сомнений, отказался от передачи сонетов в классической последовательности рифм оригинала, хотя это и совершенно противоречит моим принципам как переводчика. Однако Ваш веночек сонетов столь баснословно богат образами и мыслями, что мне показалось меньшим злом несколько отклониться от формы, нежели опустить что-либо из содержания. И так уже в том или ином месте оказались незначительные опущения, однако, как мне кажется, их немного, с другой же стороны, немного и такого, что мне самому также пришлось добавить и чего не было у Вас. Может быть именно этим объясняется, отчего веночек сонетов производит столь сильное впечатление и находит огромное признание как произведение искусства. Десятый сонет "Wir stehn am Fuss des Marmorsarkophages" включен в "Историю русской литературы" Александра Элиасберга.¹⁵ Любую Вашу критику и исправления я бы принял с величайшей благодарностью.

Еще я хотел бы Вас спросить, приличествует ли мой сонет-посвящение как по форме, так и по содержанию. Если нет, то прошу сказать мне об этом вполне откровенно, ибо мне прежде всего важно избежать привнесения

---

¹⁴ Василий Николаевич Масютин (1884-1955); о нем см.: Xenia Werner, Vasilij Masjutins Buchillustrationen im "Russischen Berlin". In: Th. R. Beyer, G. Kratz, X. Werner, Russische Autoren und Verlage in Berlin nach dem Ersten Weltkrieg. Mit 35 Illustrationen von Vasilij N. Masjutin. Berlin 1987, SS. 193-239; Xenia Werner, Wassili Masjutin in Riga, Moskau und Berlin. Sein Leben in Bildern und Dokumenten. Berlin 1989 (Staatsbibliothek Preussischer Kulturbesitz. Veröffentlichungen der Ost-europa-Abteilung, 11); О. Л. Лейкинц, К. В. Махров, Д. Я. Северюхин, Художники русского Зарубежья 1917-1939. Биографический словарь. СПб. 1999, с. 416-418.

¹⁵ Alexander Eliasberg, Russische Literaturgeschichte in Einzelporträts ..., p. 150. В той же редакции под заглавием "Liebe und Tod" ("Любовь и Смерть") перепечатан в антологии: Russische Lyrik des XX. Jahrhunderts. Eine Auswahl von Gisela Drohla. Wiesbaden 1959, p. 10. См. также: Ф. Б. Поляков, Автограф стихотворения Вяч. Иванова "Нищ и светел" в "Галерее русских писателей" Александра Элиасберга. In: Вячеслав Иванов - Петербург - мировая культура (М. 2002).

чего-либо, что Вы могли бы воспринять как диссонанс.

Прилагаю газетную вырезку с рецензией на мои переводы, по которой Вы увидите, что меня здесь считают не столь уж неумелым переводчиком.¹⁶ Также посылаю Вам изданную "Скифами" книжечку Ваших "Круч". Кроме того, в издательстве Венской Мастерской Графики (Лейпциг-Вена) вышла Ваша речь "Достоевский и роман-трагедия" в очень хорошем переводе Дмитрия Александровича Уманского.¹⁷

Уже давно я стараюсь раздобыть Ваши произведения, поскольку хотел бы в первую очередь познакомить здешнюю публику с Вами, однако мне не удалось найти ни "Межи и Вехи" [sic, т. е. "Борозды и межи" – Ф. П.], ни "Сог ardens", ни чего-либо другого. Если бы Вы могли прислать мне свои сочинения или по крайней мере хоть некоторые из них, Вы бы меня очень обязали этим. Моя сестра, Мета Грегер, Представительство Германии в России, Леонтьевский переулок, охотно взяла бы на себя их пересылку сюда (так же как и писем). Если у Вас были бы какие-нибудь пожелания или предложения касательно тех Ваших произведений, которые Вы бы хотели по преимуществу видеть в переводе, то я был бы Вам очень признателен за более подробные указания. Мне также кажется, что будет возможным договориться о гонораре для Вас по крайней мере за Ваши работы в прозе.

Простите, высокоцитимый учитель, что сегодня я ограничиваюсь только "деловой" стороной, но вопрос с изданием венка сонетов неожиданно стал срочным, и я пишу Вам второпях.

Пожалуйста, передайте мой самый сердечный привет Лидии Вячеславовне и Димочке и примите, в свою очередь, выражение моего искреннего уважения и почтения.

---

¹⁶ К письму приложена газетная статья: Gustav Specht, Wolfgang E. Groeger. In: Deutsche Allgemeine Zeitung, 3. März 1922, Nr. 105. Автор статьи, Gustav Specht (1885-1956), переводчик с русского и украинского языков, поэт, родился, как и Грегера, в Риге, и учился в Иене, Страсбурге и Москве; с 1914 г. жил в Берлине. См. о нем: Werner Schuler (Hg.), Kürschners Deutscher Literatur-Kalender. Nekrolog 1936-1970. Berlin-New York 1973, S. 641.

¹⁷ Wjatscheslaw Iwanow, Dostojewskij und die Romantragödie. Gedächtnisrede. Übersetzt von Dmitrij Umanski. Leipzig-Wien 1922 (77 S.). Агнуп Лютер (в письме к Иванову от 11 мая 1927 г.) о качестве перевода отзывался отрицательно; Michael Wachtel (Hrsg.), Vjačeslav Ivanov, Dichtung und Briefwechsel aus dem deutschsprachigen Nachlass. Mainz 1995, S. 256 (Deutsch-Russische Literaturbeziehungen. Forschungen und Materialien, 6); Д. А. Уманский (1901-?) также переводил на немецкий мемуарную литературу о Льве Толстом (1921) и воспоминания А. Г. Достоевской (1925); F. V. Poljakov, Der russische Buchdruck in Wien in den 1920er Jahren ..., SS. 34-35.

С совершенной преданностью (подпись: Вольфганг Грегер)
 Post scriptum: Передайте, пожалуйста, А. Г. [sic] Гречанинову¹⁸ и его уважаемому семейству мои наилучшие пожелания.

(далее следует приписка:)

Глубокоуважаемый господин Иванов,
 мой адрес: Леонтьевский пер, № 10, Германское Представительство (комната № 1), г-жа Мета Грегер, и я охотно передам Ваш ответ моему брату. Курьер отправляется по вторникам из Москвы, и письма должны быть у меня к понедельнику, лучше всего между десятью и часом дня.
 С глубоким уважением
 Мета Грегер¹⁹

К письму приложен публикуемый ниже перевод венка сонетов и сонет-акростих Грегера:

Widmung zu dem Sonettenkranz "Liebe und Tod" von Vaçeslav Iwanov [sic]. Akrostichon.

Vor Tages glühen flammende Auroren
 Am Firmament; in Rosen wacht das Licht.
 Chariten schweben, und Girlanden flicht
 Ephebenhand um schimmernde Amphoren.

Sekundenlang, in goldnen Meteoren,
 Luna verbleicht; in nächtige Schatten bricht
 Apollos Pfeil. Der Erde Angesicht
 Vertrauend lächelt. Christus ward geboren.

Im Strahlenkranz der Sonne schreitet Er,
 Wie weiland segnend über Land und Meer.
 Altäre sammeln alles Leid der Herzen..

¹⁸ Александр Тихонович Гречанинов (1864-1956), композитор; в своих мемуарах оставил описание жизни Иванова в послереволюционной Москве (А. Т. Гречанинов, *Моя жизнь*. New York 1951, с. 128-130), т. е. в то время, когда Грегер мог (через посредничество Иванова ?) познакомиться с ним.

¹⁹ Младшая сестра переводчика, Meta Maria Groeger, родилась 14 декабря 1884 г. в Риге (дата смерти невыяснена) и работала в Москве вплоть до начала войны 22 июня 1941 г., когда сотрудники Германского посольства были эвакуированы в Германию через Турцию (сведения сообщены нам сыном переводчика, Guido N. Groeger).

Nach oben flieht der abendliche Tau.
Ob Seelen flackern wie im Winde Kerzen:
Vor Tages leuchten sie im Dom der Frau.
Wolfgang E. Groeger

После переселения в Италию Вяч. Иванова по-новому встал вопрос о расширении читательского круга в Германии. Об этом Иванов говорит в письме к Евсею Шору от 25 ноября 1924 года; как нам представляется, речь здесь идет также о берлинском переводчике Вольфганге Грегере (публикаторы переписки с Шором отождествляют упомянутого носителя этого имени с профессором германистики Otto Groeger): "Появлением других моих работ в немецком переводе дорожу чрезвычайно. Я желал именно, будучи за границей, двинуть это дело насколько возможно. То, что мною до сих пор написано, распадается, как Вы знаете, на три группы: 1) поэзию, 2) essays, преимущественно эстетические и критические, и 3) работы филологические. О первой группе позаботится, быть может, дружественный и талантливый Groeger".²⁰ Однако планов публикации своих переводов Грегере осуществить не удалось. Форма передачи венка сонетов вне сохранения связи начальных и заключительных стихов отдельных сонетов с магистралом не получила поддержки Иванова. Лексический состав получившейся вместо венка сонетной композиции воспринимался как скопление громоздких конструкций. В 1930 г. литератор Bernt von Heiseleg, воспринявший почтение к Иванову от своего отца, петербургского поэта и переводчика Henry von Heiseleg, выразил в письме Иванову сомнение в возможности публикации некоторых переводов Грегера, и в ответном письме Иванов высказал свое отношение к этому переводческому опыту Грегера:

... den Sonettenkranz von ihm kenne ich, es befriedigt mich aber nicht. Nicht nur ist dies der Form nach kein Sonettenkranz, sondern auch als Dichtung an sich betrachtet ist es schwülstig und verschwommen zugleich, und so unklar und ungenau, dass ich darin mein Gedicht nicht wiedererkennen kann, nicht einmal als fremdes Gedicht zu begreifen und zu schätzen vermag. Und es tut mir leid, denn Groeger ist sonst ein sehr geschickter Übersetzer.²¹

---

²⁰ Д. Сегал, Н. Сегал, Начало эмиграции: Переписка Е. Д. Шора с Ф. А. Степуном и Вячеславом Ивановым // С. Аверинцев / Р. Циглер (ред.), Вячеслав Иванов и его время. Материалы VII Международного симпозиума, Вена 1998. Frankfurt/Main–Berlin–Bern [et al.] 2002, с. 457-545, 533.

²¹ Michael Wachtel (Hrsg.), V. Ivanov, Dichtung und Briefwechsel ..., S. 232. Ср. там же, SS. 117, 180, 231, 233-234.

(... его [перевод] венка сонетов мне известен, однако меня не удовлетворяет. Не только по форме это вовсе не веночек сонетов, но и с точки зрения поэзии как таковой он напыщен и одновременно расплывчат и настолько неясен и неточен, что я не могу распознать в нем свой стих, и даже как стих чужой не могу его воспринять и оценить. А жаль, что так, ведь обычно Греггер — переводчик весьма искусный).

По-видимому, впоследствии Греггер предпринял попытку стилистической переработки своего перевода, однако в РАИ сохранились только некоторые следы ее. Приводим текст неизданной полностью вариации Греггера как одно из ранних свидетельств рецепции поэзии Вячеслава Иванова в Германии.

V[.]ačeslav Iwanow, Liebe und Tod
(Übertragen von Wolfgang E. Groeger)

Wir sind zwei Bäume unter einem Blitze,
Zwei Flammen, loh, in abendlichem Hain,
Zwei Meteore in des Dunkels Schrein,
Und eines Schicksals Pfeil mit Doppelspitze.

Wir sind zwei Rosse; beider Renner Zügel
Hält eine Hand – es geißelt sie ein Sporn,
Wir sind zwei Augen – eines Blickes Born, –
Und eines Traumes weitgespannte Flügel.

Und zweier Schatten kummervolles Paar,
Stehn wir, gebeugt, am Gottessarkophage,
Antiker Schönheit marmornem Altar.

Eines Erkennens zweischalige Waage,
Sind wir uns selbst als eine Sphinx erwacht,
Zwei Arme eines Kreuzes in der Nacht.

I
Wir sind zwei Bäume, die ein Blitz verbunden,
Zwei lichte Leuchten jungem Waldesbrand,
Zu wehem Ruhm erwählt von einer Hand.
Flammendes Harz entströmt den Feuerwunden.

Entschlüpft der Erde traumestrunknem Schlummer,
Die grünen Häupter hoch im Sonnenlicht,

Rauschten wir wogend, hehr und gastlich schlicht.
Von unsren Zweigen floss smaragdner Schummer.

Der Erde Sehnsucht strömten wir ins Blau,
In Wurzel – Nacht – der wachen Höhn Orkane.
Des Blitzes Biss aus Adlerwolkenau –

Thors Küsse – brachten wir der Mutter-Ahne.
Verwachsen mit des Schosses dunklem Sein,
Zwei Flammen lohn in abendlichem Hain.

II

Zwei Flammen, die ein Blitz entloht im Hain,
Entzünden wir den Wald, und ungeheuer
Schwillt an der Schrei: "Ich auferstand in Feuer".
Die Hymne leiten unsre Stimmen ein.

Wir sind der lohen Pforte Doppelpfosten.
Zerrissenen Vorhangs Scharlach uns umflammt,
Wer stellte auf, wer hat uns eingerahmt, –
Zwei Säulen eines Purpurdoms im Osten?

Ein welcher Donner hat von uns gedröhnt?
Welch Licht, erlöst, aus uns in Freiheit mündet?
Wess Sonne unsre Feuerbrunst verkündet?

Dies Lied, Deborah, welchem Sieg ertönt?
Zwei Segel sind wir, die in Flammen schreien,
Zwei Meteore in der Nacht der Weihen.

III

Zwei Meteore in der Nacht des Leids,
Entfernter Sonnen Saat im Völkerdunkel,
Sind wir auf Bergen zweier Fahnen Funkeln
Und zwei Trompeter eines Fahneneids.

Wir sind Verkünder dessen, was bereit,
Zwei Feuerboten aus dem Sternenchor:
Des Nah'nden Pfad in Rosen hüllt Aurore,
Da Donner rollen ehern durch die Zeit.

Ковалевский переименовал государства;

Морозов на том был жесток и так.

Васильев хотел быть царем;

Ковалевский хотел быть государем.

Васильев хотел быть государем.

Морозов хотел быть государем.

Ковалевский хотел быть государем.

Васильев хотел быть государем.

Морозов хотел быть государем.

Ковалевский хотел быть государем.

Васильев хотел быть государем.

Морозов хотел быть государем.

Ковалевский хотел быть государем.

Васильев хотел быть государем.

Морозов хотел быть государем.

Ковалевский хотел быть государем.

Васильев хотел быть государем.

Васильев в белгородском Царстве,

Морозов хотел быть государем.

Васильев хотел быть государем.

Морозов хотел быть государем.

Ковалевский хотел быть государем.

Васильев хотел быть государем.

Морозов хотел быть государем.

Ковалевский хотел быть государем.

Васильев хотел быть государем.

Морозов хотел быть государем.

Ковалевский хотел быть государем.

Васильев хотел быть государем.

Морозов хотел быть государем.

Ковалевский хотел быть государем.

Васильев хотел быть государем.

Морозов хотел быть государем.

Ковалевский хотел быть государем.

Васильев хотел быть государем.

Морозов хотел быть государем.

Ковалевский хотел быть государем.

Васильев хотел быть государем.

Морозов хотел быть государем.

Ковалевский хотел быть государем.

Васильев хотел быть государем.

Морозов хотел быть государем.

Denn eine grosse Glocke tönt jetztunder
Im Sphärenecho; uns ein Wirbel blies
Als Zeichen hin vom vorgesagten Wunder.

Aus unsren Nimben schöpft des Dunkels Vlies
Den Leib des Lichts. Wir flammten auf als Blitze,
Als eines Schicksals Pfeil mit Doppelspitze.

IV
Vereinten Schicksals doppelspitziger Pfeil
Flog über Klüfte, noch in zwei gespalten, –
Bis ihn die Liebe einender Gewalten
Verwob zu eines Strahlenschafte Keil.

Bis einen Blitz zwei Sehnsuchten entlohten,
Trug eine – Fesseln dumpfer Erdenmacht,
Die andre – dürstete in Wolkennacht,
Bis sie verschmolzen in dem Schlangenknoten.

O welche Nacht vereinte beider Nöte!
Zweihelles Leuchten wurde und verband
Die Einigen, dass Nacht ihr Licht nicht töte.

Den Zauberstrahl des Szepters wer umwand
Mit zwei verschlungner Schlangen Lustgeflimmer?..
Wer führt die Zügel zweier Rosse immer?

V
Und eine Hand hält zweier Rosse Zügel:
Von ihr gelenkt, durch keine Furcht beschwert,
Entfachten wir der beiden Brüste Herd
Und stürzten uns in ausgespannte Flügel!

Zwei Boten – Raben einer weisen Norne,
Zwei Adler – Räuber eines Blitzes, sind
Zwei Träger eines Schicksals wir – im Wind
Aus Eiseshöhen und durch Feuerdorne.

Ein Reiter-Dämon steht auf zweien Rossen,
Und weidend sich am ungestümen Ritt,
Sein Fuss bald beider Rosse Rücken tritt,

Bald treibt er eins vor seinen Weggenossen –
 Der strebt ihm nach in eifersüchtigem Zorn,
 Und zweie reizt zur Raserei ein Sporn.

VI

Zwei Rosse reizt ein Sporn zu einem Wollen,
 Es treibt ein Geist zwei Irdische empor.
 Wie Geisselpfiff verwirrt das gierige Ohr
 Zweifachen Urteils stummes Donnerrollen.

Nach Schicksalsspruch, so zweier Ich Erschauern,
 In eins verschmelzt, durch Erdenkreise schwirrt.
 Nahm ein Schaf auf die Schultern dann der Hirt,
 Soll fern das andre, sonder Obhut, trauern?

Nein, in den Hof der Lämmer tritt es auch!
 Das hier verwaiste schmiegt wie Opferrauch
 Sich an die Brust des sanften Kriophoros.

Schon durch die Trennungswolke winkt des Tores
 Unendlichkeit von Wipfeln des Geschicks
 Den beiden Augen eines einzigen Blicks.

VII

Wir sind zwei Augen eines Blicks, doch war,
 Was Licht uns schien, – der Finsternis Girlande,
 Und schlug uns einer Blindheit Doppelstar,
 Und einer Armut zweimalige Schande,

Dass wir nicht sahn, in Strahlen badend, beide,
 Den Glorienbrand ringsum, – war ein Verlies
 Der Schlummer müder Lider einem Leide
 Am Fuss des Berges, der zweien Tabor hiess.

Und du tratst ein in den geweihten Tempel;
 Im Schoss der Nacht blieb ich vor dem Portal,
 Vereinsamt ... doch kein Vorwurf mich bestahl –

Licht ist mein Lob durch deiner Lichtheit Stempel.
 Ein Hosiannah schwingt sich zum Altar
 Auf eines Traums bebendem Flügelpaar.

VIII

Zwei Flügel eines Traumes in der Nacht,
Zwei Schultern eines lastgebeugten Rückens,
Sind wir zwei Träger flammenden Entzückens,
Und allen Leids und aller Sünde Macht.

Zwei Stiere unter einem Joche zwängten
Den schweren Pflug durch jungfräuliches Land,
Und bis um Mittag, als des Vaters Hand
Voll Mitleid löste einen der Bedrängten.

An einer Schönheit baute beider Brunst:
Wie zweier Bienen einheitliche Kunst
In Doppelzellen birgt verklärte Gabe.

Im Kreuzeschatten, der das Licht gebar,
Verband zweieiniger Gebete Labe
Der beiden Schatten kummervolles Paar.

IX

Und zweier Schatten kummervolles Paar
Träumt uns im Traum des Traumsehers der Schatten:
Wir bringen durch die Schlafenden und Matten
Schimmernden Marmor Ihm zum Schreine dar.

Und Volk und Wache schlafen auf der Höhe,
Und Er ist trunken an des Sterbens Trank,
Doch neigt sich uns sein Antlitz im Gerank
Der Dornenkrone, und es spricht der Wehe:

“Um den ihr klagt, trat in die Pforte ein.
Nicht findet mehr zu neuer Kreuzespein
Den Toten Ohnmacht gleissnerischen Spottes.

Der Auferstandne brach des Dunkels Kreis.”
Und mit verschlungenen Händen beten heiss
Am Sarge wir des hingeschiednen Gottes.

X

Wir stehn am Fuss des Marmorsarkophages:
Er schimmert hell, wie makelloser Schnee

In Sturmesflügeln auf Gebirgeshöh
Im reinen Äther jüngst erwachten Tages,

Wo Niobe, die Erdmutter, verbarg
In Eis ihr steinern Lager. – Und betroffen
Erkennen wir: der Schrein ist leer und offen!
Bloss rote Rosen blühen in dem Sarg,

Den Meisselbilder wundersam umschlingen,
Den ganz in Trauben hüllte Bacchus ein,
Und gab ihn Vögeln mit azurnen Schwingen.

Wir sehn: der Erde Leib ist jener Schrein ...
Die Braut erschien uns – in des Grabes Schummer,
Wo die antike Schönheit liegt in Schlummer.

XI

Wo die antike Schönheit sank in Schlaf,
Verbandest Du die Wege zweier Gäste
In Heimat-Fremde, ladend sie zum Feste,
Dionysos! Aus dreier Schicksal traf –

Einsamkeit eins. Du rissest fort, vereint,
In deinen Strom zwei Blätter, wie zwei Blicke,
Drei Parzen dann betörend – drei Geschicke
Spannst du, daraus der Strahl des Rechtes scheint.

Wie sich erwidern Fuss und Fuss beim Tanzen,
Wenn einen Tänzer tragen Melodien,
Wo Schwester-Sterne Doppelbahnen ziehn, –

So ward erfüllt die Fülle der Nicht-Ganzen.
Ein Heiligtum weiht zweier Diener Bund,
Es kündet ein Geheimnis zweier Mund.

XII

Eines Geheimnisses zweieiniger Strahl,
Streun unsere Hände vorzeitlichen Samen
In deine Furchen, schwangre Zeit: wir nahmen
Iacchos' Saat zu Christi Abendmahl.

Die Flammen roter Rosen aus dem Tal
Wir um das Kreuz in Purpurketten wanden.
Im Tanze wir zur Todesstätte branden,
In Efeukränzen wogend auf zur Qual.

Ein andres Kana hat uns zwei verbunden;
Doch unter Rosen klasten Kreuzeswunden,
Der Liebe Weg – zum Leidenswege ward;

Als Geist – der Leib, als Leib – der Geist erblühte, –
Aus deinem Grab wach ich empor als Blüte,
Als eine Sphinx sind zwei sich offenbart.

XIII

Wir sind uns selber – einer Sphinx Gebärde.
In Tod und Leben teilt sich ein Gesicht,
Nach dem Gesetz. Und nicht erlosch mein Licht,
Und deine Flamme nicht in Nacht der Erde.

Ich war dein Licht, du – meine Flamme. Feuer –
Sprössling, dich traf der Hauch der Erdenbrust.
Ich brenne loh in gieriger Blätter Blust,
Du – leuchtest mir aus deinem Sarge. Heuer –

Bist du mein Licht. Und deiner Leuchte Brand
Trug ich in junge, schmerzentrunkne Tale.
Sank auch in Asche wäldergrünes Land –

Beschwingte, sind wir – eins, zum ersten Male.
Das Wort im Busch – als Flamme jach erwacht;
... Zwei Arme eines Kreuzes deckt die Nacht.

XIV

Zwei Arme eines Kreuzes in der Nacht;
Am Qualenschaft der aufgereckten Schlange –
Zwei Flammenflügel. Wie im Sturmgesange
In Reinheit schimmert flüssiger Schuppen Pracht!

Wie einfach war die dunkle Tafel! Spende
Des Doppelrings, – nicht in die Purpurflut
Des Meers, – wir stürzen sie in Feuerglute, –
Gott-Geist, in Deine heiligen Flammenhände!

Die Liebe schmelzt das Gold, und wieder schweisst
 Die Liebe es, ihr Reich in lohem Kreisen
 Feuriges Harz und Waldesseufzer preisen!..

Der Erde Feuer-Täufer, Dir, Gott-Geist,
 Vergossen Säfte trunkner Sonnenträume
 Wir, zwei von Deinem Blitz entlohte Bäume.

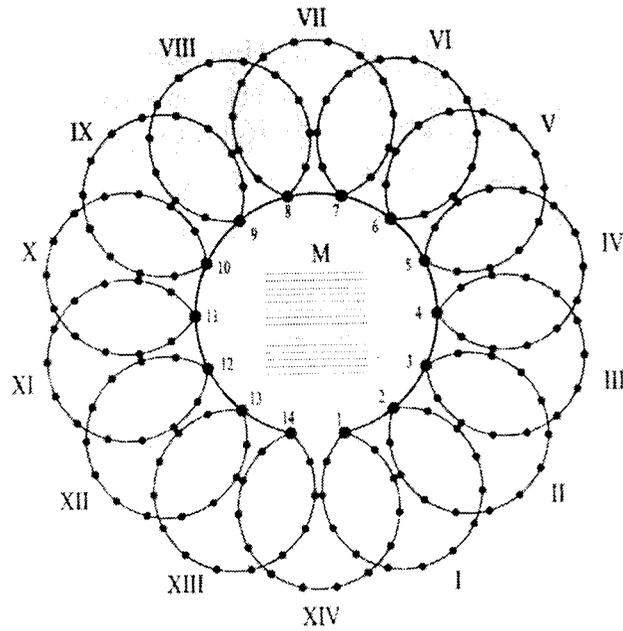

Схема венка сонетов